

лась окружающимъ. Я помню, какъ кучеръ погналъ во всю мочь лошадей къ станціи благодаря этому восклицанію, хотя очевидно было, что поспѣть къ поѣзду невозможно; а также, кучеръ разсмѣялся, когда Левъ Николаевичъ остановилъ его, сказавъ: «не гони! все равно опоздали!» Точно также онъ ахалъ, а потомъ смѣялся въ игрѣ въ крокетъ, когда сдѣлаеть важный промахъ, или, когда сидя на креслѣ, вспомнить и спохватится о чемъ либо позабытомъ. Если этимъ онъ пугалъ свою жену, то онъ полушуткой всегда прибавить: «ну! больше никогда не буду!».

Смѣхъ Льва Николаевича отличается тоже заразительностью. Когда онъ смѣется, голова его пригибается на бокъ и онъ трясется всѣмъ тѣломъ; а въ началѣ смѣха въ голосъ его слышны высокія ноты.

29 [Я ни въ комъ еще не встрѣчалъ такого уваженія къ чужому сну, какъ у Льва Николаевича. Онъ безусловно не могъ разбудить спящаго и часто поручалъ это сдѣлать мнѣ, когда это было необходимо, напр. въ дорогѣ съ семьей. Правда, — онъ самъ любилъ выспаться, за то онъ даже оберегалъ чужой сонъ. Помню, когда мы поздно ночью засидимся, а прислуга позабудеть поставить холодный ужинъ на столъ и заснетъ одѣтая. Левъ Николаевичъ ни за что не позволитъ разбудить человѣка и самъ отправляется по буфетамъ за ѣдой и посудой. Онъ дѣлалъ это съ особенной осторожностью и даже украдкой, стараясь сохранить тишину, что придавало этому характеръ веселаго похождения. Но онъ сердился на меня, если я въ то время, хотя нечаянно напр. посудой надѣлаю шуму.] 29